

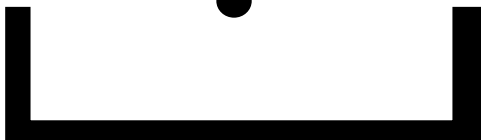
**ХАНТЕР С.
ТОМПСОН**

HUNTER S.
THOMPSON

**FEAR AND LOATHING
IN LAS VEGAS**

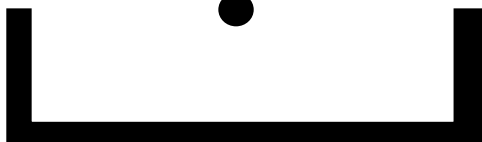

**ХАНТЕР С,
ТОМПСОН**

**СТРАХ И ОТВРАЩЕНИЕ
В ЛАС-ВЕГАСЕ**

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Сое)-44
Т56

Серия «От битника до Паланика»
Hunter S. Thompson
FEAR AND LOATHING IN LAS VEGAS

Перевод с английского *А. Керви*

Серийное оформление и компьютерный дизайн *В. Половцева*

Печатается с разрешения The Gonzo Trust
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Книга содержит нецензурную брань.

Томпсон, Хантер С.

Т56 **Страх и отвращение в Лас-Вегасе : [роман] / Хантер С. Томпсон ; [перевод с английского А. Керви]. — Москва : Издательство АСТ, 2021. — 320 с. — (От битника до Паланика).**

ISBN 978-5-17-135795-5

«Страх и отвращение в Лас-Вегасе» — одна из самых скандальных книг второй половины XX века. Книга, которую осуждали и запрещали. Книга, которой зачитывались и восхищались. Книга, в которой само понятие «Американской мечты» перевернуто с ног на голову, в которой видения и галлюцинации становятся реальностью, а действительность напоминает кошмарный сон.

**УДК 821.111-311.2(73)
ББК 84(7Сое)-44**

© The Estate of Hunter S. Thompson, 1971
© Перевод. А. Керви, 2020
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2021

ISBN 978-5-17-135795-5

ВЕЛИКАЯ АКУЛА ХАНТ

Октябрь—ноябрь 1971-го, «омерзительного года Господа нашего». На страницах журнала «Роллинг Стоун» в двух номерах появляются главы из романа некоего Рауля Дьюка «Страх и отвращение в Лас-Вегасе» с иллюстрациями Ральфа Стэдмэна. После всей шумихи, вызванной публикацией, псевдоним был вскоре раскрыт: так в американскую литературу, журналистику и политическую жизнь вломился

доктор Хантер Стоктон Томпсон — Великая Акула Хант, враг № 1 американских политиков, представителей закона и «молчаливого большинства». После Уильяма Берроуза в американскую жизнь ворвался новый, действительно социально опасный, но от этого не менее талантливый писатель. Уильям Берроуз сломал классической американской литературе хребет. Хантер Томпсон выбросил труп Американской Мечты на помойку. Дядя Билл и доктор Томпсон — они создали свою Мечту.

После выхода книги прошло уже тридцать лет, но она все еще остается символом «рожденных проигрывать, но с улыбкой на устах выживать» в этом цивилизованном, добропорядочном холокосте. Роман породил бесчисленное количество имитаторов — каждую неделю в британской или американской прессе появляется по крайней мере десяток статей, написанных под его влиянием. Даже в беспонтовые воскресные дни можно наткнуться на что-нибудь вроде «Страха и отвращения Джо Пасквалы», но это отнюдь не гарантирует, что автор закидывается кислотой или вынюхивает галлоны сырого эфира, жестокого анестетика, моментально отправляющего тебя в ту «последнюю базу, лежащую за солнцем», куда ты можешь попасть еще, вылакав с десяток литров доброго вина или литр водки.

Уилл Селф, еще один замечательный автор (читай «Junk Mail») из когорты литераторов, стоящих вне закона, будучи подростком, развлекался со своими приятелями, раскатывая под громкую музыку по стране на «Триумфах Толедо», вдыхая нитрат

амила и разыгрывая сценки из «Страха и отвращения». Вколоть себе героин на самолете Джона Мейджора, в окружении паскудных горилл, — да, это безумство, достойное доктора журналистики Томпсона, во всяком случае находится в его юрисдикции, а не в лапах очкастого выкормыша Железной леди.

Одноименный фильм Терри Гиллиама (в русском прокате «Страх и ненависть в Лас-Вегасе»), премьера которого состоялась 16 мая 1998-го на Каннском фестивале, лишь акцентировал ренессанс Томпсона в девяностые — новое поколение наконец-то дорвалось, и все в один голос начали обсуждать, что же такое «гонзо»: в стиле «гонзо» стало модно писать, об этом стало модно рассуждать, «гонзы» стали множиться как кошки; в воронке после разрыва крылатой ракеты «Страха и отвращения» блаженствуют мышинные семьи эпигонов. Кстати, фильм добавил очередную порцию к набору мифов о Хантере Томпсоне: как он впервые встретился с Джонни Дэппом и сразу же спросил его, достаточно ли сильно он бьет по физиономии Кейт Мосс; первый предполагаемый режиссер этого фильма Алекс Кокс (самый известный его фильм — «Реро Ман» — «Угонщик») был отвергнут, так как по причине своего вегетарианства отказался есть специальную сосиску, приготовленную ему Хантером; кража всемирно известным писателем отснятых дублей из дома Гиллиама и попытка сжечь их во время вудуистской церемонии (это, конечно, все слухи, не имеющие под собой никаких оснований).

Сегодня Томпсон стал в глазах обывателей и журналистов таким же пугалом, как и монстроидные персонажи, нарисованные Ральфом Стэдмэном. В газетах в свое время утверждали: «Этого ненормального маньяка можно остановить только атомной бомбой. То, что Хантер Томпсон все еще на свободе, убедительно доказывает всю беспомощность американской законодательной системы». Благодаря своим работам, выходкам и своему эго, Хантер стал общественно значимой фигурой еще задолго до того, как превратился в знаменитость. Его харизма и беспощадное в своей откровенности слово породили миф, сравнимый разве что с мифом о Чарльзе Мэнсоне — многие действительно ставят их рядом, в том числе друзья и биографы Томпсона. Если доктор когда-нибудь умрет, то останется навсегда живее всех живых в популярной культуре. Я вспоминаю свой разговор с одним американским фотографом, который высказался о Хантере так: «Если все люди неожиданно сойдут с ума, то Хантер Томпсон несомненно будет президентом этой огромной психбольницы. Полицейские начнут в обязательном порядке принимать мескалин. Весь мир станет одной большой галлюцинацией». Интересно, что Хантера Томпсона на Западе увлеченно читают сами представители закона, которые, если следовать логике российского Закона о наркотиках, давно должны были упрянуть Акулу Ханта за решетку (такая попытка была сделана в Штатах в начале девяностых, когда Томпсона пытались посадить сразу по десятку обвинений, ни одно из которых не прошло в суде, и

доктор был полностью оправдан — об этом процессе можно прочесть в его книге «Песни Проклятого»). «Старый дегенерат все еще никак не угомонится», — напишут в рецензии на его предпоследнюю книжку «Лучше, чем секс. Откровения политического джанки». «Но должен же кто-то стремать этих ублюдков», — ответит на это один из создателей веб-страничек, посвященных Акуле Ханту.

В начале семидесятых было много произведений гедонистского толка, но ни одно из них не сравнится по убойной силе с любым отрывком из «Страха и отвращения»... Словно обезумевшие от СПИДа Бонни и Клайд или обкисленные рыцари, ищущие Грааль, Дьюк и доктор Гонзо вскрывают «брюшину правде-матке» в логове «психопатов» — в Лас-Вегасе, этом чернушном воплощении Американской Мечты, вонючие споры которой испоганили мозги миллионов людей. Вооруженная до зубов арсеналом «гнусной химии» парочка мутантов заваливается на полицейскую конференцию, посвященную проблеме наркотиков, просто из чувства долга. «Если «свиньи» со всей страны собираются на наркоконференцию высшего уровня, то мы остро чувствовали, что наркотическая культура тоже должна быть там представлена», — напишет Томпсон. Эти два персонажа стали пионерами, героями контркультуры, чье сумасшествие — микроскопическим расплозавшимся по стране безумием в начале семидесятых.

1971 год. Черный год. Год ненависти, страха и отвращения. Шакалы приходят из пустыни на за-

пах крови Шарон Тейт. Другой шакал все еще сидит в Белом Доме. Америка все еще во Вьетнаме. Битлз больше нет. В Южной Калифорнии крупное землетрясение. Журнал «Тайм» объявляет президента Ричарда Никсона «Человеком Года» — с обложки на читателей смотрит злобная кукла из папье-маше: кричащие, пугающие стерильных, добропорядочных американцев заголовки газет. Шестидесятые испустили дух вместе с черным в Алтамонте под «Симпатию к Дьяволу» «Роллинг Стоунс». Сахарные мир, любовь и невинность Вудстока засыпаны песком, как кровавые пятна в римском амфитеатре после боя гладиаторов. Хендрикс, Джоплин и Моррисон мертвы. Все трое от передозировок. На секретной встрече с Никсоном Элвис Пресли предлагает свои услуги в качестве тайного наркоагента. Вынесен смертный приговор Чарльзу Мэнсону за убийство Тейт-Лабьянки (заменен пожизненным заключением). «Я никого не убивал и не приказывал убивать, — говорит он в своем последнем слове. — Я думаю, вам пора обратить внимание на ту ложь, которой вы живете. Ваша игра — игра в деньги. Вы продаете прессу, сенсации, вы можете смеяться над кем угодно и смотреть на любого сверху вниз. Вы торгуете газетами ради создания общественного мнения, зависите от него и не ведаете, что творите. И все — ради денег и внимания других... Вы сделали меня по своему образу и подобию дьяволом-садистом, потому что я — это вы. Во мне вы видите свое отражение — ведь и мне плевать на ваши дела и на вас... Разве вы не видите, что я сво-

боден?» Идеализм шестидесятых сменился откровенным цинизмом — а был ли еще какой-нибудь выход?

Полиция задерживает 12 тысяч антивоенных демонстрантов в Вашингтоне. Пацифист-герилеро Дэниэл Элисберг публикует в «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» «Материалы Пентагона» — подборку информации по операциям Министерства обороны во Вьетнаме. За ним установлена круглосуточная слежка, записывается каждый его разговор. Закрыто радио «Underground» в Пасадене. Уволено 28 его сотрудников. Певец и поэт Роки Эриксон сидит в психушке за употребление ЛСД и общение с духами. Музыканты MC5 тоже сидят. Писатель Кен Кизи вышел и отправился в добровольную ссылку на ферму брата. Тимоти Лири после побега из тюрьмы переправляют в Алжир, где он что-то необдуманно брякает об ЛСД-изации Африки для укрепления антиимпериалистической солидарности, и тут же высылается из страны. Растет раковая опухоль Уотергейта. Молодежь терроризируют законом Харрисона о наркотиках.

Американская Мечта давно уже была кошмаром, но никто еще не осмеливался заявить об этом во всеуслышание. Поэтому для одного очень серьезного доктора журналистики единственным разумным выходом было поставить все с ног на голову, выйти за пределы клишированного языка, открыто надругаться над американским законодательством и «семейными ценностями» и назвать все это — «ГОНЗО» (сумасшедший, чудной, абсурдный, дурацкий, гоночный, тележный).

Хантер С. Томпсон родился 18 июля 1937 года в Луисвилле, Кентукки. В зависимости от ситуации он говорил, что родился в 1939-м, поэтому биографы путаются до сих пор. Джералд Тайрелл, его друг детства, вспоминает, что Хантер еще в школе был магнитом, к которому тянулось все местное хулиганье, — никто лучше него не сколачивал бейсбольные команды или организовывал пивные вечеринки по пятницам. Уже тогда он умело манипулировал людьми — со временем эта техника будет доведена им до совершенства. Хантер прекрасно сходилась с самыми, с точки зрения общества, «неприкасаемыми» людьми в школе. А позднее, у него появится одно из наиболее поразительных по своей пестроте окружений, почти семейный круг близких друзей — писателей, адвокатов, спортивных промоутеров, музыкантов и политиков. Редкая способность Томпсона выходить сухим из воды вытаскивала его из любой пиковой ситуации. Однажды вечером в Пуэрто-Рико он отправился с приятелем, фотографом Робертом Боуном, на свалку Сан-Хуана стрелять крыс. Их замела полиция, и Боун утверждает, что Хантер прямо-таки запудрил им мозги, но облажался в самый последний момент. «Нас арестовали и доставили в тюрьму. Но Хантер, конечно, со своим невыразимым шармом, тут же скорешился с полицейскими. На самом деле мы успели выбросить пистолет... так что у них были лишь какие-то сомнения... и в конце концов мы вместе уселись пить кофе. А потом Хантер закинул ноги на стол, откинулся немного назад, и из его кармана посыпались на пол патро-

ны для «Магнума-357». Они бросили нас обратно в кутузку и позвонили в посольство».

К тому времени Томпсон уже дважды оказывался за решеткой. Так, весной 1956-го его забрали с несколькими приятелями за вандализм, а также обязали заплатить штраф в 200 долларов за ущерб, причиненный тюремному имуществу. А летом того же года он попался по обвинению в краже, просидел месяц, посылая друзьям длинные смешные письма, и был отпущен, поскольку вместо отсидки отправился служить в Военно-воздушных силах США.

На базе ВВС во Флориде Хантер вел спортивную страничку в местной газете. Вскоре он начал рассылать репортажи о жизни на базе другим таблоидам, однако начальство попыталось положить этому конец. Проигнорировав предупреждение, Томпсон продолжал писать, но теперь уже под псевдонимом «Себастьян Оул» (эти репортажи будут позже включены в книгу «Великая Акула Хант»). Но его все равно раскрыли, и 8 ноября 1957 года будущий автор «Страха и отвращения» был с позором изгнан с воинской службы. Далее — Нью-Йорк, курсы Колумбийского университета, неудачная попытка написать первый роман. Получив в конце 59-го от матери из Луисвилла небольшую сумму, Хантер отправляется с приятелем в Южную Америку. Временно он осел в Пуэрто-Рико, где начал писать для журнальчика «Эль Спортиво», освещавшего спортивную жизнь на Карибах. После того как журнал целиком посвятил себя процветавшему тогда в Пуэрто-Рико боулин-

гу, Томпсон расторг соглашение с ним и двинулся дальше на юг. Он кочует из издания в издание. Короткие заметки для «Бостон глоуб», репортажи в ныне уже исчезнувший нью-йоркский «Геральд трибюн». После того как Хантер разослал предложения в несколько журналов, его взяли на работу южноамериканским корреспондентом журнала «Нэшнл обзервер», первоначально бывшего воскресным приложением к «Уолл-стрит джорнэл». Согласно биографу Томпсона Уильяму Маккину, его заметки для «Обзервера» часто помещали на первой странице, и уже тогда в них угадывались наметки того яростного, отчаянного стиля, к которому он пришел позднее.

«Нэшнл обзервер» принадлежал компании «Доу Джонс» — странное место для репортера, сделавшего себе имя, по мнению некоторых злопыхателей, на приеме за рулем нечеловеческого количества опасных наркотиков. Карьера Томпсона в качестве штатного корреспондента закончилась в 1965-м, но свой последний заход на этом поприще он сделал в апреле 1975-го, отправившись во Вьетнам обозреть окончание 40-летней войны в Индокитае, войны, бывшей притчей во языцех, фетишем американской контркультуры, о которой им столько было написано. Эти репортажи опубликовали только в 1985-м, и они говорят о падении «Парижа Востока» больше, нежели все военные отчеты, вместе взятые. Хантер безжалостно вынес на читательский суд всю кухню журналистских разговоров во время последних дней американского присутствия во Вьетнаме — никто и никогда

до него этого не делал. Впрочем, чему удивляться. Когда был опубликован «Страх и отвращение», его отчет об этом диком и разнузданном путешествии подвергся обструкции со стороны всех борцов за сохранение чистоты жанра, а сам стиль его и по сей день преподносится студентам журналистики как стиль антихриста: пиши, как этот чертов луна-тик, и ты больше никогда не получишь работу...

Истории, которые Томпсон в свое время подкидывал «Нэшнл обзервер», заложили основу того мастерства, которое он с блеском продемонстрировал в «Страхе и отвращении» и в Сайгоне 13 лет спустя. Рисковал ради хорошего репортажа доктор постоянно... В 1961 году, когда Томпсон жил у своего друга Денниса Мерфи в Биг Сур, Калифорния, он совершенно затерроризировал владельцев гейского бассейна, подкидывая им туда для разнообразия доберманов. В отместку пидоры напали на него всем скопом и жестоко избили. Вскоре после этого в журнале «Роуг» была напечатана статья — «Биг Сур: Сад агонии». Миссис Мерфи очень не понравилось то, что друг ее сына написал о ее собственности, и она с позором выгнала из своего дома неблагодарного, как она выразилась, проходимца.

6 августа 1962 года в «Обзервере» появилась статья Томпсона «Вольный американец в логовище контрабандистов», повествующая о его пребывании на северо-восточном побережье Колумбии, в деревне Пуэрто-Эстрелло. Безобидная на вид рыбацкая деревушка. Пуэрто-Эстрелло была перевалочным пунктом транспортировки оружия и нар-